

Александр Грин

Пропавшее солнце

Александр Степанович Грин

Пропавшее солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271482

Аннотация

Бессердечный миллионер Хоггей, «мистификатор и палач вместе», купив младенца, растит его в комнатах без окон, при электричестве. «Специально для него были отпечатаны книги, где... не упоминались солнце, луна и звёзды» Мальчик Роберт увидит солнце лишь в 14 лет, когда 3 миллионера заключат пари на его реакцию...

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	6
III	7
IV	9
V	11
VI	13

Александр Степанович Грин Пропавшее солнце

I

Страшное употребление, какое дал своим бесчисленным богатствам Абель Хоггей, долго еще будет жить в памяти всех, кто знал этого человека без сердца. Не раз его злодейства – так как деяния Хоггея были безмерными, утонченными злодействами – грозили, сломав гроб купленного молчания, пасть на его голову, но золото вывозило, и он продолжал играть с живыми людьми самым различным образом; неистощимый на выдумку, Хоггей не преследовал иных целей, кроме забавы. Это был мистификатор и палач вместе. В основе его забав, опытов, экспериментов и игр лежал скучный вопрос: «Что выйдет, если я сделаю так?»

Четырнадцать лет назад вдова Эльгрев, застигнутая родами в момент безвыходной нищеты, отдала новорожденного малютку-сына неизвестному человеку, вручившему ей крупную сумму денег. Он сказал,

что состоятельный аноним – бездетная и детолюбивая семья – хочет усыновить мальчика. Мать не должна была стараться увидеть или искать сына.

На этом сделка была покончена. Утешаясь тем, что ее Роберт вырастет богачом и счастливецом, обезумевшая от нужды женщина вручила свое дитя неизвестному, и он скрылся во тьме ночи, унес крошечное сердце, которому были суждены страдание и победа.

II

Купив человека, Авель Хоггей приказал содержать ребенка в особо устроенном помещении, где не было окон. Комнаты освещались только электричеством. Слуги и учитель Роберта должны были на все его вопросы отвечать, что его жизнь – именно такова, какой живут все другие люди. Специально для него были заказаны и отпечатаны книги того рода, из каких обычно познает человек жизнь и мир, с той лишь разницей, что в них совершенно не упоминалось о солнце.¹ Всем, кто говорил с мальчиком или по роду своих обязанностей вступал с ним в какое бы ни было общение, строго было запрещено Хоггеем употреблять это слово.

Роберт рос. Он был хил и задумчив. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, Хоггей среди иных сложных забав, еще во многом не раскрытых данных, вспомнив о Роберте, решил, что можно, наконец, посмеяться. И он велел привести Роберта.

---

¹ Равным образом, ни о чем светящемся в небе – луне, звездах. Фергюсон – правая рука Хоггея, – чаще других навещавший Роберта, приучил его думать, что люди сами не желают многого в этом роде. – А.Г.

III

Хоггей сидел на блестящей, огромной террасе среди тех, кому мог довериться в этой запрещенной игре. То были люди с богатым, запертым на замок прошлым, с лицами, бесстрастно эмалированными разворотом и скукой. Кроме Фергюсона, здесь сидели и пили Харт – поставщик публичных домов Южной Америки, и Блюм – содержатель одиннадцати игорных домов.

Был полдень. В безоблачном небе стояло пламенным белым железом вечное Солнце. По саду, окруженному высокой стеной, бродил трогательный и прелестный свет. За садом сияли леса и снежные цепи отрогов Ахуан-Скапа.

Мальчик вошел с повязкой на глазах. Левую руку он бессознательно держал у сильно бьющегося сердца, а правая нервно шевелилась в кармане бархатной куртки. Его вел глухонемой негр, послушное животное в руках Хоггея. Немного погодя вышел Фергюсон.

– Что, доктор? – сказал Хоггей.

– Сердце в порядке, – ответил Фергюсон по-французски, – нервы истощены и вялы.

– Это и есть Монте-Кристо? – спросил Харт.

– Пари, – сказал Блюм, знавший, в чем дело.

– Ну? – протянул Хоггей.

– Пари, что он помешается с наступлением тьмы.

– Э, пустяки, – возразил Хоггей. – Я говорю, что придет проситься обратно с единственной верой в лампочку Эдисона.

– Есть. Сто миллионов.

– Ну, хорошо. – сказал Хоггей. – Что, Харт?

– Та же сумма на смерть, – сказал Харт. – Он умрет.

– Принимаю. Начнем. Фергюсон, говорите, что надо сказать.

Роберт Эльгрев не понял ни одной фразы. Он стоял и ждал, волнуясь безмерно. Его привели без объяснений, крепко завязав глаза, и он мог думать что угодно.

– Роберт, – сказал Фергюсон, придвигая мальчика за плечо к себе, – сейчас ты увидишь солнце – солнце, которое есть жизнь и свет мира. Сегодня последний день, как оно светит. Это утверждает наука. Тебе не говорили о солнце потому, что оно не было до сих пор в опасности, но так как сегодня последний день его света, жестоко было бы лишать тебя этого зрелища. Не рви платок, я сниму сам. Смотри.

Швырнув платок, Фергюсон внимательно стал приглядываться к побледневшему, ослепленному лицу. И как над микроскопом согнулся над ним Хоггей.

IV

Наступило молчание, во время которого Роберт Эльгрев увидел необычайное зрелище и ухватился за Фергюсона, чувствуя, что пол исчез, и он валится в сверкающую зеленую пропасть с голубым дном. Обычное зрелище дня – солнечное пространство – было для него потрясением, превосходящим все человеческие слова. Не умея овладеть громадной перспективой, он содрогался среди взметнувшихся весьма близких к нему стен из полей и лесов, но наконец пространство стало на свое место.

Подняв голову, он почувствовал, что лицо горит. Почти прямо над ним, над самыми, казалось, его глазами, пылал величественный и прекрасный огонь. Он вскрикнул. Вся жизнь всколыхнулась в нем, зазвучав вихрем, и догадка, что до сих пор от него было отнято все, в первый раз громовым ядом схватила его, стукнувшись по шее и виску, сердце. В этот момент переливающийся раскаленный круг вошел из центра небесного пожара в остановившиеся зрачки, по глазам как бы хлестнуло резиной, и мальчик упал в судорогах.

– Он ослеп, – сказал Харт. – Или умер.

Фергюсон расстегнул куртку, взял пульс и помолчал

с значительным видом.

– Жив? – сказал, улыбаясь и довольно откидываясь в кресле, Хоггей.

– Жив.

V

Тогда решено было посмотреть, как поразит Роберта тьма, которую, ничего не зная и не имея причины подозревать обман, он должен был считать вечной. Все скрылись в укромный уголок, с окном в сад, откуда среди чинной, но жестокой попойки наблюдали за мальчиком. Воспользовавшись обмороком, Фергюсон поддержал бесчувственное состояние до той минуты, когда лишь половина солнца виднелась над горизонтом. Затем он ушел, а Роберт открыл глаза.

«Я спал или был болен», – но память не изменила ему; сев рядом, она ласково рассказала о грустном и же стоком восторге. Воспрянув, заметил он, что темно, тихо и никого нет, но, почти не беспокоясь об одиночестве, резко устремил взгляд на запад, где угасал, проваливаясь, круг цвета розовой меди. Заметно было, как тускнут и исчезают лучи. Круг стал как бы горкой углей. Еще немного, – еще, – последний сноп искрозарил белый снег гор – и умер, – навсегда! навсегда! навсегда!

Лег и уснул мрак. Направо горели огни третьего этажа.

– Свалилось! Свалилось! – закричал мальчик. Он сбежал в сад, ища и зовя людей, так как думал, что

наступит невыразимо страшное. Но никто не отозвался на его крик. Он проник в чащу померанцевых и тюльпанных деревьев, где журчание искусственных ручьев сливалось с шелестом крон.

Сад рос и жил; цвела и жила невидимая земля, и подземные силы расстилали веера токов своих в дышащую теплом почву. В это время Хоггей сказал Харту и Блюму: «Сад заперт, стены высоки; там найдем, что найдем, – утром. Игрушка довольно пресная; не все выходит так интересно, как думаешь».

Что касается мальчика, то в напряжении его, в волнении, в безумной остроте чувств все перешло в страх. Он стоял среди кустов, стволов и цветов. Он слышал их запах. Вокруг все звучало насыщенной жизнью. Трепет струй, ход соков в стволах, дыхание трав и земли, голоса лопающихся бутонов, шум листьев, возня сонных птиц и шаги насекомых, – сливалось в ощущение спокойного, непобедимого рокота, летящего от земли к небу. Мальчику казалось, что он стоит на живом, теплом теле, заснувшем в некой твердой уверенности, недоступной никакому отчаянию. Это было так заразительно, что Роберт понемногу стал дышать легче и тише. Обман открылся ему внутри.

– Оно вернется, – сказал он. – Не может быть. Они надули меня.

VI

За несколько минут до рассвета Фергюсон разыскал жертву среди островков бассейна и привел ее в кабинет. Между тем в просветлевшей тьме за окном чей-то пристальный, горячий взгляд уперся в затылок мальчика, он обернулся и увидел красный сегмент, пылающий за равниной.

– Вот! – сказал он, вздрогнув, но сжав торжество, чтобы не разрыдаться. – Оно возвращается оттуда же, куда провалилось! Видели? Все видели?

Так как мальчик спутал стороны горизонта, то это был единственный – для одного человека – случай, когда солнце поднялось с запада.

– Мы тоже рады. Наука ошиблась, – сказал Фергюсон.

Авель Хоггей сидел, низко согнувшись, в кресле, соединив колено, локоть и ладонь с подбородком, смотря и тоскуя в ужасной игре нам непостижимой мечты на хилого подростка, который прямо смотрел в его тусклые глаза тигра взглядом испуга и торжества. Наконец, бьющий по непривычным глазам свет ослепил Роберта, заставил его прижать руки к глазам; сквозь пальцы потекли слезы.

Проморгавшись, мальчик спросил:

– Я должен стоять еще или идти?

– Выгнать его, – мрачно сказал Хоггей, – я вижу, что затея не удалась. А жаль Фергюсон, ликвидируйте этот материал. И уберите остатки прочь.